

Т.В. Склярова, О.Л. Янушкявичене

«Возрастная педагогика и психология»

(Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, Центр педагогических исследований "Покров" - М.: Покров, 2004.

(Склярова Татьяна Владимировна –известный православный психолог, доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой социальной педагогики Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета; Янушкявичене Ольга Леонидовна - доктор педагогических и доктор математических наук, автор известных трудов по педагогике)

ФРАГМЕНТЫ

Дошкольное детство (от четырех до шести лет).

Духовное воспитание. Главной задачей в духовном воспитании дошкольника является воспитание привычки к делам милосердия. Именно в этом возрасте ребенок должен привыкнуть трудиться по необходимости, то есть не для себя, а для других. Дошкольный возраст – это возраст, в котором происходит первичная ориентация всей будущей жизни: что будет главным – служение или потребление? Если ребенка в этом возрасте только развлекали (по принципу: детям – счастливое детство), вырастет еще один представитель «пепси-поколения». Если же он привык с раннего детства трудиться для других, это даст ему серьезную установку на всю жизнь. Например, дошкольное детство Лены и Антона проходило в советское время, и у мамы не было возможности заняться православной педагогикой или организацией воскресной школы. Зато втроем, мама и двое детей, они пытались помогать всем, кто нуждался в помощи. Они стирали пеленки сына соседки, растившей своего ребенка в одиночестве, возили еду бедному мальчику и т. д. Сейчас Лена и Антон выросли. У них, естественно, много недостатков. Но когда речь заходит о том, что кто-то нуждается в помощи, для них не составляет проблемы оказать помощь нуждающимся.

В книге «Детство и общество» Э. Эриксон пишет, что очень много людей гордятся тем, что обходятся без религии, тогда как их дети не могут позволить себе такой «роскоши». Возраст начала знакомства с многообразием проявления окружающего мира по сути восприятия является религиозным. Так же, как и в раннем детстве, ребенок интуитивно ощущает существование смысла в окружающем мире. Мир для него *«не есть набор случайных и отдельных фактов, но он весь пронизан смысловыми лучами, исходящими из одной точки. Существование Верховного и Благого не требует доказательства для ребенка...»* (прот.В.Зеньковский). В идеале в дошкольном возрасте происходит оформление интуитивного религиозного чувства. Такое оформление религиозного чувства ребенок получает в Таинствах Церкви, в прикосновении к ее живой жизни, в вере родителей, а также знакомясь с религиозным материалом, доступным для восприятия в этом возрасте.

С трех-четырёх лет дети уже способны посещать воскресную школу, они начинают нуждаться в общении с другими детьми. Такое общение вызывает их интерес. Воскресная школа позволяет это общение организовать с большой духовной пользой. Совместные поделки на тему урока, празднование церковных праздников, летние лагеря – все это дает много возможностей для обучения и воцерковления. Умение на одном листе ватмана нарисовать общий рисунок на тему урока дает первые навыки работы «вместе», начальные знания о жизни святых и исторических личностях позволяют выбросить из общения со сверстниками телевизионные персонажи. Не перечислить всего, что при хорошей организации может дать воскресная школа.

Важнейшую роль в жизни ребенка играет семья, поэтому ему близки и интересны рассказы из Священного Писания о значении семьи. Например, в рассказе о Ное следует обратить внимание на то, как Бог спас единственную семью, оставшуюся «доброй» и сохранил по семье от каждого вида животных. Новозаветные повествования о Рождестве Пресвятой Богородицы, рождении Предтечи Господня Иоанна Крестителя, Святом Рождестве Самого Спасителя, Сретении позволят детям увидеть такие знакомые им семейные события, но в ином, духовном, аспекте и вместе с тем ощутить свое родство с Евангелием.

Представление о своей личности. Эгоцентричная позиция в этом возрасте практически не позволяет понимать точку зрения другого, если это не опирается на опыт самого ребенка. Поэтому весьма полезны простые рассказы, вызывающие чувство жалости, сочувствия и доброго отношения к другим людям и животным, например, рассказы Ветхого Завета о том, как Авраам помогал своему племяннику Лоту, как Валаам научился правде от своей ослицы, из Нового Завета – рассказ о мальчике, принесшем Христу свои рыбки и хлеб для насыщения толпы, или о милосердном самарянине.

Услышанные истории дети «примеряют» на себя. Четырехлетняя Саша в праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы спросила маму: «А Она была такая же маленькая, как я?»

Отношение к окружающей среде. Так как главной задачей в духовном воспитании дошкольника является воспитание привычки к труду не по желанию, а по необходимости, он очень хорошо воспримет рассказы из Ветхого и Нового Завета о совместных усилиях в этой области. Например, о постройке скинии, а из Нового Завета – о входе Господнем в Иерусалим и роли детей в этом событии, о Тайной Вечере как об установлении Таинства причащения, то есть самого близкого общения Христа с учениками.

Понятие о Боге. Рассказы из Ветхого Завета о Боге Творце и Боге Промыслителе доступны детям, если не связывать их с историческими, географическими, богословскими понятиями. Рассказывая о чудесах, творимых Иисусом Христом, нужно говорить о них как о проявлении Его любви к людям, а не как о «волшебстве». В этом возрасте дети зачастую непосредственно связывают религиозный смысл с каким-либо материальным воплощением. Так, у ребенка может быть «свой Бог», который изображен на иконе над его кроваткой. Допуская такого рода «язычество» в отношении маленьких детей, К.-С. Льюис в «Размышлениях о псалмах» прослеживает дальнейшее развитие этого детского восприятия: *«Маленький ребенок не отличает религиозного смысла Пасхи или Рождества от их праздничного обличья. Один очень маленький мальчик сочинил песню, которая начиналась*

так: «Яйца покрасили. Христос воскрес». На мой взгляд, он проявил и благочестие и поэтическое чутье. Но мальчик побольше такого не придумает. Он отделит одно от другого и, раз уж отделил, вынужден будет поставить что-то на первое место. Если он поставит «духовное», яйца смогут и впредь вызывать в нем пасхальные чувства. Если же поставит «праздничное», оно очень скоро станет просто праздничным столом».

Молитва. Учить молиться можно только своим примером. Если дети видят, как сосредоточенно и строго молятся их родители, слышат прекрасные слова молитв, чувствуют благоговейное отношение к иконам, им захочется повторить то же самое. Очень хорошо, если есть традиция совместной семейной молитвы. Дети должны быть полноправными ее участниками. Ребенок хорошо запоминает короткие молитвы и сможет их произносить самостоятельно. Хорошо, если в конце молитвенного правила каждый член семьи скажет несколько слов от себя: о чем он лично просит Бога или за что Его благодарит. Только такие молитвенные правила не нужно делать длинными. Их продолжительность должна соизмеряться с силами детей.

Воспитывая потребность в молитве у своих детей, взрослые часто стремятся пояснить им то, что говорится в молитвах. Делать это нужно очень умело и тактично, так как в противном случае эффект может быть противоположным. Так, Лена, когда выросла, призналась маме: «Когда ты нам в детстве рассказывала о Боге, было очень интересно, но когда ты начинала пояснять слова молитв... мы, конечно, терпели...». Сейчас в воскресной школе, которой руководит «мама», разработана методика разговора с дошкольниками о молитве. Планируется издание соответствующего пособия.

В маленьких детях следует укреплять сознание, что молитва – это обращение к Богу, и не только с просьбой, но, что особенно важно, и с благодарностью. Ребенок должен понять, что не всегда то, что ему хочется, полезно, следовательно, его желанием может не совпадать с тем, что желает Бог. Для иллюстрации, например, можно рассказать о пророке Ионе.

Нравственные понятия. Зло для ребенка отождествляется с нанесением видимого ущерба – со сломанными игрушками, испорченным платьем, а также с неудовольствием родителей и строгостью наказания. Добро же отождествляется у него с хорошим настроением, дружелюбной атмосферой, одобрением и похвалой. Ребенок остро ощущает то, что ему кажется несправедливым по отношению к нему, но не всегда замечает, когда он сам причиняет боль и огорчение другим. Следует, насколько это возможно, углублять правильное понимание детьми понятий «добра» и «зла». Для этого, например, можно использовать рассказы о грехопадении ангелов, о грехе первых людей, о Каине и Авеле, а из Нового Завета – притчи о блудном сыне, милосердном царе и злом рабе.

Историческое сознание. В этом возрасте оно ограничено понятиями «давным-давно», «на днях», «завтра», «потом». Хронология исторических событий не имеет для детей этого возраста никакого значения. Поэтому и повествования из Священного Писания рассказываются ребенку ради того эмоционального впечатления, которое они могут произвести на его душу.

Атмосфера в семье. Огромную воспитательную роль играет атмосфера в семье. Софья Куломзина пишет: «Эта атмосфера сильно влияет на формирование «душевного образа»

ребенка, определяет развитие детских чувств и детского мышления. Эту общую, трудно определимую словами атмосферу можно определить «миросозерцанием семьи». Мне кажется, что как бы ни сложились судьбы людей, выросших в одной семье, у них всегда остается что-то общее в их отношении к жизни, к людям, к самому себе, к радости и горю».

Хотя мир дошкольника уже достаточно широк и не ограничен домом, родители по-прежнему остаются всемогущими для ребенка. *«Нет опасности, от которой взрослые, как считает ребенок, не могли бы защитить, не произойдет трагедии, если рядом стоит мама. Такое ощущение «любящего и справедливого всемогущества» может быть весьма полезным для развития детских представлений о Боге... Характер родителей оказывает огромное влияние на религиозное сознание ребенка», – пишет Куломзина.*

Дети этого возраста способны удерживать внимание на чем-то одном не более 10–15 минут. Софья Куломзина считает, что им чужды понятия «праведности», «справедливости», «власти», «веры» и даже «любви», хотя они могут понять, что такое «добрый», «хороший» или «злой», «противный» человек. Понятия «хорошо» и «плохо» они отождествляют с одобрением или осуждением со стороны взрослых.

Добавим еще, что очень важно детям рассказывать о святых, а также о героях нашей истории и литературы. Пяти-, шестилетние дети, играя, любят отождествлять себя с различными героическими персонажами. Хорошо, если они отождествят себя со святым Александром Невским или с Ильей Муромцем, а не с уродливым Покемоном или Гарри Поттером.

В течение всего периода дошкольного детства у ребенка формируется мировоззрение. Так как мыслительные операции опираются на наглядно доступные объекты, то и в центре мировоззрения – человек и человеческая деятельность. Потому и мировоззрение дошкольника называется специалистами артификалистским – все воспринимается по образу и подобию человека и человеческой деятельности. Воспринимая Бога как Творца и Причину всего сущего, дети вместе с тем характеризуют Его человеческими качествами, их интересуют вполне земные вопросы: «Боится ли Бог крапивы?», «Сможет ли Он победить всех в гонке?», «Как Он рисует морозные узоры на окнах?» Куломзина в книге «Наша Церковь и наши дети» предупреждает о том, что попытки объяснить маленьким детям слова «Приимите, ядите; сие есть Тело Мое и ...сие есть Кровь Моя... (Мк. 14, 22, 24) могут окончиться катастрофой (9, 43). Однажды случилось так, что напуганные таким сверхреалистичным для них объяснением значения Святого Причастия, дети из воскресной школы отказались причащаться.

Одним из вариантов объяснения того, что такое Святое Причастие, может быть следующий. Всякий раз, когда совершается Божественная литургия, происходит чудо: на хлеб и вино, находящиеся в чаше, сходит Дух Святой. Мы с вами, являясь грешными людьми, этого не видим, а вот некоторые святые видели это. После схождения Святого Духа в хлебе и вине чудесным образом уже присутствует Сам Иисус Христос. Когда мы принимаем во время причастия такой кусочек хлеба с вином, Христос соединяется с нами.

Соотношение символизма и реалистичности в детском восприятии настолько гибко, что полностью символическое объяснение некоторых событий может вполне удовлетворить познавательные потребности ребенка. Это связано еще и с тем, что ребенок в этом возрасте

способен интуитивно постичь суть явления. Детская интуиция позволила четырехлетней Саше очень глубоко понять Евангельское повествование об искушении Христа в пустыне в мамином пересказе.

«И вот, когда взалкал Господь, приступил к Нему искушитель и сказал: «Сделай из камней хлеб и ешь». Как ты думаешь, что ему Сын Божий ответил?»

– Нет. Потому что Он пришел в пустыню поститься.

– А потом поставил диавол Иисуса Христа на самый верх храма и говорит: «Кинься вниз, тебя ангелы подхватят, и ты не разобьешься». Что ему Христос ответил?»

– Нет. Он же пришел молиться.

– И показал Ему сатана все самые красивые дворцы и все богатство мира и говорит: «Поклонись мне и все это богатство станет Твоим». Что ему ответил Христос?»

– Нет. Потому что он (сатана) злой».

Четырехлетние дети способны не только осмысливать веру, но и защищать ее. Так, маленькому Антону мама на его вопросы о том, кто сделал небо, землю и т. д., всегда отвечала: «Бог». Когда же ребенку исполнилось четыре года, папа решил внести научную ясность в этот вопрос. Он посадил перед собой сына и сказал: «Хочешь, я расскажу тебе, как образовалась Земля? Вначале были газы, газы, потом они отвердели, и образовалась Земля». Мама из другой комнаты с грустью слушала, как папа пытается разрушить у ребенка создавшееся представление о происхождении мира. Но после разговора с отцом ребенок сделал свои выводы. Мальчик подошел к маме и сказал: «Мама, хочешь, я расскажу тебе, как на самом деле все произошло?» – «Расскажи». – «Вначале были газы, газы, а потом они отвердели, и образовалась Земля. И все это сделал Бог».

А четырехлетней Лене папа, чтобы внести сомнение в ее представление о существовании единого Бога, начал говорить о том, что каждый народ придумывает своего бога: у индусов – один Бог, у русских – другой, у французов – третий. На это девочка ответила: «Но ведь истинный-то из этих богов – Один».

Символизм детского восприятия проявляется также и в рисунке. Детский рисунок во многом подобен иконе, так как выражает символ детского отношения к миру. Часто в воскресных школах детям-дошколятам позволяют изображать лики на создаваемых ими иконах, чего не позволяют делать детям более старшего возраста, еще не достигшим определенного мастерства. Схожие моменты наблюдаются и в верующих семьях, особенно в семьях священнослужителей. Описывая детство будущих пастырей в книге «Под кровом Всевышнего» (глава «Мальчики начинают служить»), Наталия Николаевна Соколова рассказывает о том, как ее дети «служили», держа карандаш или палочку подобно свечке, «кадили» ботиночком, держа его за шнурок, фелонь им заменяла пеленка. *«Эти игры продолжались у детей до семи лет, то есть до отроческого возраста, пока умишки их были еще в младенческом состоянии. Мы, родители, детям не препятствовали «служить», но они сами понемногу прекращали, видно, слышали уже голос совести, побуждающей смотреть на вещи уже серьезно, вдумчиво».*

Душа ребенка несвободна от зла. Протоиерей Зеньковский пишет: *«Обращенность детской души к Богу, чистота и непосредственность ее свидетельствуют о том, что в детской душе изначальное раздвоение в духовной сфере еще не достигает плана сознания, что со стороны сознания еще не исходит ничего, что усиливало бы или подчеркивало возможность роста личности в противопоставлении себя, своей самости Богу. Наивный эгоцентризм в эту пору не мешает ни развитию живого интереса к окружающему миру, ни простоте и серьезности обращения души к Богу. Все это не значит, что детская душа целостна и в своей глубине, что ей чуждо разделение добра и зла. К детской душе (в раннем детстве) больше, чем к какой-либо другой поре в нашем развитии, относится притча Господня о пшенице и плевелах. Увы, растут на ниве детской души и плевелы – и в таком странном, для нас часто совершенно непонятном и загадочном соседстве с добром и правдой, что именно к раннему детству нельзя подойти правильно без учения о... первородной греховности».*

Святитель Феофан Затворник пишет о том, что нужно воспитывать все силы ребенка, а именно – ум, волю и сердце: *«Начать образование ума нужно со словом. Главное, что должно иметь в виду, это здравые понятия и суждения по началам христианским о всем встречающемся или подлежащем вниманию дитяти: что добро и зло, что хорошо и худо. Это сделать очень легко посредством обыкновенных разговоров и вопросов... Дитя многожелательно: все его занимает, все влечет к себе и рождает желания. Не умея различать доброго от злого, оно всего желает и все, что желает, готово выполнить. Дитя, предоставленное самому себе, делается неукротимо своевольным. Поэтому родители должны блюсти эту отрасль душевной деятельности. Самое простое средство к заключению ее в должные пределы состоит в том, чтобы расположить детей ничего не делать без позволения...»*

Самое действительное средство к воспитанию истинного вкуса в сердце есть церковность, в которой должны быть содержимы воспитываемые дети. Сочувствие ко всему священному, сладость пребывания среди его, ради тишины и теплоты, отвращение от блестящего и привлекательного в мирской суете не могут лучше напечатлеться в сердце» («Как сохранить благодать святого крещения»).

Психическое развитие. Период дошкольного детства называют временем символизма, так как логические мыслительные операции только еще формируются в интеллекте, опираясь на внешние объекты. Символ, как мостик от одной реальности к другой, позволяет ребенку в четырех-пятилетнем возрасте соединять объекты и понятия. Наиболее отчетливо это проявляется в детской игре. Палка может быть символом ружья и коня, камушки – пищей, деньгами, лекарством и т.д. Многие психологи называют игровую деятельность ведущей в дошкольный период. Совместно с игрой в этом возрасте развивается изобразительная деятельность, элементарный труд, зарождаются начатки учения в форме освоения культурного наследия человечества – воспринимаются и запоминаются сказки, мифы, постигается музыка.

Социальная ситуация развития обусловлена двумя серьезнейшими новообразованиями, сложившимися к началу этого возраста. Во-первых, координация движений позволяет быть более свободным и настойчивым, также совершенствуется чувство языка. Это и позволяет развиваться воображению, творчеству, которое, в свою очередь, развивает в ребенке чувство

инициативы. Э. Эриксон определяет чувство инициативы как базисное *«для реалистического ощущения ребенком собственных амбиций и целей»*.

Основной характеристикой мышления дошкольника является его эгоцентричная направленность. Впервые детский эгоцентризм был охарактеризован в работах Ж.Пиаже. Скрытая умственная позиция ребенка, проявляющаяся в тенденции «мир вокруг меня», определяет основные проявления эгоцентризма. Прыгающий мальчик любит окружение и обращается к маме: «Смотри, мама, как деревья прыгают!» Ребенок уверен в том, что солнце специально слепит его, луна следует за ним во время прогулок, а такой ветер на улице потому, что деревья качаются. Как-то случилось в семье так, что пятилетний Сема остался дома без родных – бабушка заболела, и ее отвезли в больницу, мама уехала с ней, а папа задержался на работе. Сема в свои пять лет горько вздохнул: «А кто же мне молока нальет?»

Расшатывание эгоцентризма – одна из важнейших воспитательных задач дошкольного возраста. Постепенно, чаще в игре, происходит координация эгоцентричной позиции с позициями других участников игры. В связи с этим происходит и эволюция детских игр – от игры «рядом, но не вместе» к совместной игре и, как к вершине, – к игре по правилам. Эгоцентризм уступает место децентрации, когда ребенок научается осознавать свое «я» в качестве субъекта. После этого уже возможно отделение субъекта от объекта, которое позволяет соотносить свою точку зрения с позициями других людей. К концу дошкольного возраста у ребенка должно выречь умение не рассматривать свою позицию как единственно возможную. Это необходимое условие для начала школьного обучения. К середине первого класса Сема, который печалился когда-то о том, что ему некому налить молока, сказал родителям: «Я вдруг понял, что другие люди, они тоже есть». На что папа философски заметил: «Знаешь, сын, некоторым людям требуется на это гораздо больше времени, чем семь лет жизни».

В дошкольном возрасте бурно работает воображение. Границы реального и виртуального миров зачастую не различаются. В этом возрасте ребенок может начать рассказывать реально произошедшую с ним историю и незаметно для самого себя уйти в область фантазирования. Часто это приводит к казусам, когда пяти-, шестилетка «вольно» пересказывает родителям, о чем шла речь на занятиях в детском саду или воскресной школе. Специалисты рекомендуют различать детскую ложь и фантазирование. Фантазирование рождается зачастую там, где ребенок не в состоянии логически освоить реальность и принять, соединить в своем изложении всю совокупность причинно-следственных связей. В таком случае говорят о том, что реалистический рассказ психологически неправдоподобен для ребенка, потому что он многого не понимает.

У детской лжи есть свои мотивы. Этими мотивами являются: *«избегание наказания, стремление добыть нечто, чего иначе не получишь, защита друзей от неприятностей, самозащита или защита другого человека, стремление завоевать признание и интерес со стороны окружающих, желание не создавать неловкую ситуацию, избегание стыда, охрана личной жизни, защита своей приватности, стремление доказать свое превосходство над тем, в чьих руках власть»* (Абрамова Г.С. «Возрастная психология»). Исследования детской лжи показывают, что ребенку легче о предметах проще, чем о чувствах, особенно своих (предмет не относится ко мне, и потому с ним проще оперировать, чувства принадлежат мне, и их труднее превратить во что-то иное).

Выше мы уже писали о том, что очень важным моментом в воспитании дошкольника является приучение его к труду. Такое воспитание соответствует русским культурным традициям. До революции в семьях уже с пяти лет девочки начинали шить себе приданое, а мальчики по мере сил помогали отцам в их нелегкой работе. Уже в дошкольном возрасте приучением к выполнению соответствующих работ можно начинать воспитание будущего материнства и отцовства. Инфантильность многих матерей и отцов, их неспособность нести положенный груз ответственности во многом обусловлены упущениями, сделанными воспитателями в их раннем возрасте.

Физическое развитие. Физическая активность детей дошкольного возраста очень велика. Они склонны к свободным телодвижениям, простым и не ограниченными запретами. Основными мускулами они уже владеют и, хотя мелкая работа им еще непосильна, охотно берутся с красками, кубиками, пластилином, песком. Знакомясь с самим собой и окружающей действительностью, дошкольник исследует границы своих возможностей. Опрос взрослых людей об их детстве выявил удивительный факт: почти все в этом возрасте подвергали свое тело неким испытаниям – что-то специально ели или пили, пробовали на вкус несъедобное, проделывали какие-либо экзотические физические действия.

Есть и трагические примеры. Дошкольный возраст – «самый юный возраст самоубийств, зафиксированный статистикой» (Абрамова Г.С. «Возрастная психология»). Тому называются две основные причины – «переживание экзистенциальной пустоты» (там же) и печальные последствия экспериментирования над собственным телом. В этом возрасте ребенку необходимы посильная физическая нагрузка, выполнение элементарных работ по домашнему хозяйству. Это обеспечит ребенку чувство полезности и заслуженную радость от хорошо выполненной работы.

Кризис семи лет. Завершается дошкольный возраст кризисом семи лет. Если до этого, несмотря на все трудности, ребенок был очень связан с семьей, то начиная с этого возраста он уже готов к более широкому общению. Основное новообразование, вызывающее этот кризис, – утрата детской непосредственности. Появление рефлексии, которая вклинивается между внутренней и внешней жизнью ребенка, приводит к тому, что его поведение может резко измениться. Если до этого внешнее поведение ребенка непосредственно выражало происходящие в нем процессы: «Что думаю, то и говорю, и делаю», – то теперь мышление развилось настолько, что можно «увидеть себя со стороны». Это в некоторых случаях приводит к манерничанью, вычурности в поведении, кривлянию, паясничанию. *«Ребенок может говорить писклявым голосом, ходить изломанной походкой, рассказывать непристойные взрослые анекдоты в совершенно неподходящих случаях. Это бросается в глаза и производит впечатление какого-то странного, немотивированного поведения»* (Шихи Г. «Возрастные кризисы»).

Проявлением семилетнего кризиса могут быть демонстрация ребенком нарочито взрослого поведения, стремление взяться за выполнение «взрослых» дел, «резонерство» в высказываниях, отстаивание собственной позиции в споре со взрослым. Вместе с этим появляется интерес к собственному внешнему виду, возможны конфликты из-за одежды, которая теперь воспринимается как «одежда для маленьких». Однако потеря детской непосредственности несет с собой и много позитивных изменений в личности ребенка шести-

семи лет. Возможность увидеть себя со стороны позволяет осмысленно ориентироваться в своих переживаниях. В связи с этим начинают проявляться требовательность к себе, предпринимаются осознанные попытки самонаблюдения, саморегуляции, самонаказания. Возникает опосредованность поведения определенными правилами. Именно появление этих качеств в психике ребенка является показателем его готовности к сознательной исповеди. О готовности ребенка к исповеди, опыте работы священника с детьми прекрасно написал протоиерей Владимир Воробьев в книге «Покаяние. Исповедь. Духовное руководство».

Во взаимоотношениях с взрослыми складывается новое общение – ребенок узнает, как общаться с врачом, милиционером, продавцом в магазине, он вступает в ролевое взаимодействие, принимая требования ситуации. Общение со сверстником тоже видоизменяется – усиливаются межличностные тенденции, появляются привязанность, дружба. Вместе с тем все большее значение приобретают правила регламентации взаимоотношений со сверстниками, которые зафиксированы в детской субкультуре.

Детская субкультура, по мнению специалистов (М.В. Осорина, В.В. Абраменкова), является тем полем, где дети осваивают первые навыки социального взаимодействия. В ней хранятся правила очередности – так в затруднительных случаях используется «считалка». Имеются свои «кодексы чести», определяющие, что можно делать в сообществе, а что – нет.

Бытующие в детской субкультуре «дразнилки», по мнению В.В. Абраменковой, несут в себе некоторые воспитательные функции, а также функции «первичной психодиагностики», которые позволяют оперативно определить, с кем имеешь дело: сказал «дразнилку» и наблюдаешь реакцию. Все это подготавливает вхождение ребенка в более широкий социальный круг, где будет найдено применение вызревшим внутренним качествам. Это реализуется при поступлении ребенка в школу.

Младший школьный возраст (от семи до десяти лет)

Духовное воспитание. Первый серьезный шаг из родительского дома в мир дети совершают, когда перед ними открываются двери школы. Если до этого духовное воспитание велось в основном родителями, то теперь важную роль в формировании взглядов ребенка играет учитель. Главной задачей этого возраста является ученичество. При этом ученичество в дальнейшей жизни должно развернуться в способ общения с людьми: мы должны быть готовы учиться у каждого встреченного нами человека, ведь каждый человек несет в себе какое-то уникальное, свойственное лишь ему качество и знание. Такое отношение к людям отражает отношение ученичества к Богу. Нет пустых встреч. Все, что случается в жизни, дано нам Богом. Каждую жизненную ситуацию мы должны решать как задачу, поставленную перед нами Господом. И вот это благоговейное отношение к жизни и к каждому встреченному человеку нам дано почувствовать в отношении к учителю в начальной школе. И как тут не восхититься Премудростью Божией, которая сначала нас учит любви (до трех лет), затем делам милосердия (дошкольное детство) и, наконец, ученичеству (начальная школа). При этом «обучается» человек не умом, а всей своей сущностью и глубиной.

Если в этом возрасте педагог придет и скажет детям о том, что Бог любит их, детские сердечки радостно раскроются навстречу этой любви и, по крайней мере на уроке, будут всеми силами желать угодить Богу. Вот тут-то и открывается возможность с ними общаться, разбирая на примерах, как нужно жить. В начальной школе нет необходимости ходить вокруг да около, можно изучать с детьми самое ценное из того, что записано, а именно, Священное Писание. При этом в первом классе нужно дать самые основные сведения о Боге, о грехопадении, о Евангельской истории, можно для этого использовать книгу О.Л. Янушкявичене «Дерево доброе» или другие аналогичные.

Во втором и третьем классе можно вести с детьми разговоры о существующих добродетелях, используя ветхозаветные сюжеты. Эти сюжеты красочны, связаны один с другим, в них представлен широкий спектр человеческих отношений. На уроках можно использовать детскую Библию. Только при этом постоянно нужно помнить, что мы-то живем в новозаветное время, и это необходимо обговаривать. Например, почему Иаков поступает безнравственно? Этот вопрос дети часто задают. Потому что тогда мир еще не знал Христа. У нас с вами сердце очищено жертвой Христа, мы и видим, что он поступал нечестно, а у Иакова сердце было затемнено первородным грехом, вот он и не видел, что грешит. Стремился к Богу как мог, и не понимал, что так поступать нельзя.

В четвертом классе дети уже способны понемногу читать Евангелие самостоятельно. Только нужно подробно разбирать все прочитанные фрагменты. Пятый класс тоже можно отнести к этой возрастной группе.

В начальной школе на уроках желательно заниматься поделками, а потому можно, например, изучая Библию, делать Ноев ковчег или вырезать из цветной бумаги ангелов. Чтобы дети наглядно смогли понять, зачем нужен свет, можно попробовать походить по классу с закрытыми и открытыми глазами. На тему притч или ветхозаветных сюжетов хорошо ставить сценки. Очень помогает тетрадь. К ней на уроках должно быть очень серьезное отношение. Можно сказать, что каждый делает для себя свою детскую Библию. В тетрадь записываются самые важные вещи из тех, о которых говорится. На тему каждого урока – рисунки. На праздник – подарок: какая-нибудь раскраска на библейскую тему, она торжественно вклеивается в тетрадь. Дети готовят свои детские Библии для своих будущих детей: нужно ведь будет и им о Боге рассказывать, а как же без картинок?

Для всех возрастов очень важно, чтобы дети чувствовали, что педагог ценит урок, что ему важна и радостна встреча с детьми, что он ее ждет. Пожалуй, главным требованием к уроку по ОПК в школе или к уроку закона Божия в Воскресной школе является необходимость создания атмосферы свободы в любви к Богу.

Монахиня Магдалина пишет: *«Гораздо важнее, если дети уходят из класса с большим желанием любить Бога, чем, если выполнена программа преподавателя. Бывает, что какой ни будь предмет особенно занимает сознание детей, и иногда может быть духовно плодотворнее поговорить об этом. ...Истинная проба таким урокам не в том, сколько фактов запомнили дети, а в том, вышли ли они из класса с более глубоко прочувствованным сердечным убеждением, что Церковный путь – путь настоящей жизни. Имена и факты – только крючки,*

на которых можно развесить перед детьми эту истину»)(Сестра Магдалина «Мысли о детях в Православной Церкви сегодня»).

Также очень важно учитывать готовность конкретных детей, с которыми педагог общается, к восприятию того, о чем говорится. Монахиня Магдалина пишет (там же): *«Всегда можно увидеть детей с неодинаковыми способностями и расположенностью слушать о Боге, и легко можно нанести серьезный духовный вред, если не говорить с каждым соответственно его мере. Даже один и тот же ребенок может быть в одно время более духовно восприимчив, нежели в другое».*

Коснемся еще вопроса посещения детьми богослужений. По словам монахини Магдалины, *«невозможно предписывать общие правила по поводу числа церковных служб, на которых должно присутствовать детям. Каждый случай нуждается в рассуждении и молитве, и руководстве духовника. ...Дети, которые страдают в храме скукой, легче преодолевают это, если не боятся об этом говорить. Можно упомянуть об этом как об искушении, постигающем и взрослых. Научите ребенка прямо во время службы рассказывать прямо Господу с своих проблемах и радостях, если он устаёт слушать службу, и даже говорить Ему об этой скуке и просить, чтобы Бог Сам помог ему найти интерес к службе».*

Вообще, хорошо известно, что к детским молитвам Господь необыкновенно милостив. Множество примеров Божьего милосердия к детским молитвам содержится в житиях святых. Вспомним хотя бы преподобного Сергия Радонежского и святого Иоанна Кронштадтского. Об этом пишет и блаженный Августин: *«Я встретил, Господи, людей, молившихся Тебе, и от них узнал, постигая Тебя в меру сил своих, что Ты Кто-то Большой и можешь, даже оставаясь скрытым для наших чувств, услышать нас и помочь нам. И я начал молиться Тебе: «Помощь моя и Прибежище мое», – и, взывая к Тебе, одолел косяязычие свое».* Даже в нашей жизни можно встретить такие примеры. Так, маленькая Лена однажды сильно провинилась. Мама «двинулась» в ее сторону, чтобы наказать. Лена быстро убежала и закрылась в детской комнате. Естественно, закрытая дверь для мамы не преграда, но тут раздался звонок во входную дверь, пришли мамини друзья, и мамин гнев постепенно прошел. Вечером Лена спросила: «Мама, знаешь, почему ты меня не наказала? Потому что я убежала в комнату и помолилась».

Можно не бояться приучать детей обращаться непосредственно к Богу. При этом, конечно, нужно оговорить, что мы не всегда просим то, что нам полезно. Хороший пример тому есть у Антония Сурожского, который в детстве просил у Бога возможности делать чудо как его дядя: вынимать на ночь свои зубы.

Протоиерей Василий Зеньковский называет возраст, соответствующий начальной школе, периодом второго детства. Об этом возрасте он пишет: *«Духовная жизнь гораздо определеннее и яснее струится через моральную сферу – второе детство есть классическое время оформления моральных идей и правил... Дитя типически «послушно» в эти годы... Для религиозной жизни пора второго детства в общем неблагоприятна. Удивительный мистицизм раннего детства с его интуициями и прозрениями исчезает, духовная чуткость к горнему миру слабеет, но зато гораздо ближе становятся жизненные образы религии. Христианство, раскрывающее жизнь Спасителя и Божией Матери, жизнь святых и их подвиги, становится*

особенно питательно и нужно именно в этой своей земной стороне, трогательной, глубокой, но земной. Религиозное сознание растет и мелеет, теряя свою интуитивную чуткость, но зато оно становится определяющим источником моральной жизни, питая и согревая моральную сферу. Чрезвычайно просто и естественно дети в это время переходят к религиозной активности – посещение храма, особенно прислуживание в нем, выполнение обрядов и соблюдение церковных требований становится естественным и приятным» (Протоиерей профессор Василий Зеньковский. «Проблемы воспитания в свете христианской антропологии»). Так, Антон начал «пономарить» в Церкви с восьми лет. Тайком от папы весь Великий пост он, пользуясь тем, что учился во вторую смену, ездил два раза в неделю на литургию Преждеосвященных Даров. Когда же пришла, а затем ушла Пасха, он написал единственное в своей жизни стихотворение:

Улетела, как птичка, в дальние края,
Улетела Пасха, любовь моя.

Слова Зеньковского о моральной сфере можно подтвердить следующим примером. Семилетний Сема и его младшая пятилетняя сестренка Саша как-то играли вдвоем, и Саша, заигравшись, нечаянно разбила вазу. Когда же взрослые поинтересовались, кто же это сделал, Сема спросил: "А вы Сашку ругать не будете?" После всех выяснений мама спросила Сему: "А ты не подумал о том, что можно взять Сашину вину на себя и сказать, что это ты разбил вазу?" Сема растерянно возмутился: "Но это же будет неправдой!"

Главная задача возраста – ученичество, ведущей деятельностью является учёба. Парадокс учебной деятельности состоит в том, что, усваивая знания, ребенок ничего в них не меняет. Предметом изменений становится он сам. Впервые ребенок выполняет деятельность, которая поворачивает его на самого себя, требует рефлексии, оценки того, «чем я был» и «чем я стал». Важным показателем процесса обучения является изменение духовного опыта человека. Православный смысл такого изменения определяется словом «покаяние». В книге «Православная педагогика» протоиерей Евгений Шестун определяет обучение как частный случай покаяния (Шестун Евгений, протоиерей. «Православная педагогика»). В таком отношении к учёбе для верующего ребёнка не будет поля для развития тщеславия и самодовольства, каких бы успехов он ни добился. Постигание знаний, как тайны Божьего Творения, сопряжено с благоговением и обязательно в позитивном плане отразится на духовной жизни ученика. И совсем иначе протекает учебный процесс в ситуации, подогреваемой развитием самовыражения и самоутверждения школьника. В этом случае могут быть хорошие знания предметов, но такая мотивация к учёбе пагубно сказывается на духовном развитии растущего человека. «Очень трудно иметь в научной среде дело с бывшими вундеркиндами, которые затем оказались бесплодными научными сотрудниками», - написал профессор и протоиерей Глеб Каледа. По его мнению, настоящая учёба подобна молитве и не имеет ничего общего с удовлетворением собственного тщеславия. «Бродя по лесу, сплаваясь в лодке сквозь тайгу, находясь на ослепительных горных вершинах, хочется петь «Хвалите имя Господне». Красота бытия во всех её проявлениях – от Космоса при созерцании ночного неба до мельчайших существ при рассмотрении раковинк радиолярий и диатомей в оптическом или электронном микроскопах – встает перед нами при изучении природы» (Протоиерей, профессор Глеб Каледа. «Домашняя Церковь»).

Психическое развитие. Готовность к обучению складывается из нескольких параметров – ребенок осознает свои возможности, он готов подчиняться требованиям и предписаниям, он в состоянии видеть иную точку зрения (произошла децентрация процессов мышления), он активен, и ему хочется учиться. Младший школьный возраст – время обретения умелости и компетентности. У взрослых почти не возникает никаких проблем: первоклассники – старательные ученики и послушные воспитанники. Школьник – первый социальный статус ребенка. Почти каждый ребенок стремится делать все правильно.

Ведущая деятельность - учёба. Мир в этом возрасте представляется системой научных знаний и понятий, которыми надо овладеть. В своей деятельности школьник ориентируется на общекультурные образцы действия, которые принимает в диалоге с взрослыми. До школы такими взрослыми были родители, в процессе учебы ребенок должен установить доверительные отношения с другим взрослым – учителем. Учитель – очень значимая личность, так как он является «социально установленным» авторитетом. Но в случае, когда сам учитель допускает лояльное отношение к установленным правилам, для ребенка это правило разрушается тоже. Разница в позициях родителей и учителя для младшего школьника заключается именно в том, что учитель является «представителем общества», «носителем общего знания», который по определению не может знать меньше родителей или ошибаться. Такое однозначное отношение к личности учителя со стороны ребенка обуславливает и позицию родителей к учителю. Мудрым житейским советом родителям будущего первоклассника является совет «выбирать не школу, а учительницу».

Ориентация на «правильность», стремление соответствовать некоторым образцам (поведения, чувства, мысли) делает детей в этом возрасте восприимчивыми к любым технологиям. Быстро и умело перенимаются модели: внешнего поведения, физических упражнений, операционных навыков управления техникой – от велосипеда до компьютера. Эта тенденция в позитивном своем направлении позволяет развиваться трудолюбию. Но она же таит в себе опасность чрезмерного «зацикливания» на внешних правилах и образцах. Стремясь соответствовать всем предписаниям, ребенок начинает относиться ко всем остальным также с повышенными требованиями, зачастую впадая в «фарисейство». Такие дети порой воспринимаются взрослыми как юные «правдолюбцы» или «ябеды». Они требуют четкого выполнения неких предписаний и от своих сверстников, и от взрослых. Порой взрослые сами же нарушают те правила, которым они учили ребенка, и в этой ситуации возникают конфликты и непонимание. А порой получается так, что ребенок, стремясь соблюсти все правила, предписанные взрослыми, в какой-то момент ослабевает под этим непосильным грузом. Тогда он может начать жить своей «тайной» жизнью.

Когда Ане было девять лет, родители обратили внимание на то, что она стала по вечерам тайно читать какие-то книги. Так же тайно родители выяснили, что же каждый раз их дочь прячет под подушку. Это оказались сказки, которые много лет читались сначала папой, а потом самой Аней перед сном. По мере взросления Ани папой-филологом было принято решение, что такой взрослой девочке пора читать уже более серьезную литературу. Вот и стала прятать Аня «детские книжки» от родителей.

Одним из направлений развития в этом возрасте становится установление разнообразных социальных связей. Созревшая к концу дошкольного возраста внутренняя жизнь позволяет ребенку осознать свою «непрозрачность» для других. Это позволяет ему выстраивать собственное психологическое пространство и «пробовать себя» в разных ролях. *«Дети в этом возрасте могут выдумывать собственную биографию, особенно когда знакомятся с новыми для себя людьми, и это знакомство не может перерасти в длительное»* (Абрамова Г.С. «Возрастная психология»). Структурирование своего психологического пространства проявляется и в обращении с материальным миром – свои личные предметы ребенок «маркирует», украшает как может. Это возраст создания «тайников» и «секретиков», постройки «штабов», начала освоения чердаков и подвалов. Подписываются книги, украшается велосипед, кровать, наклеиваются в самые невероятные места картинки – «помечая» свою вещь, ребенок словно передает ей часть своих личных свойств. Так можно осязать границы своего «я». Потому порой даже случайное нарушение этих установленных границ – стертая родителями наклейка, снятая картинка и т. п. – воспринимаются очень трагично.

Учебная деятельность. Признание учебной деятельности ведущей в младшем школьном возрасте основывается на том, что дети в этом возрасте являются активными исследователями всего нового. Поэтому и лучшей наградой за учение призваны быть новые знания, которые приобрел ученик. Специалисты отмечают, что внешние подкрепления, например, похвала и одобрение, оказываются не лучшей мотивацией учения. Учебный процесс, имеющий характер путешествия по неизведанной стране, где на каждом шагу поджидают удивительные открытия, позволит выработать у ребенка устойчивую мотивацию к учебе. К тому же взаимоотношения с взрослыми не будут опосредоваться школьными оценками. Иногда происходит так, что родители выстраивают свои отношения с детьми, исходя из их школьных успехов или неудач («Меня мама не любит, у меня пятерок мало»). В рисунках первоклассников часто можно встретить «красивенькие пятерочки» и мрачные «чудовищадвойки» или тройки. Оценка, по словам В.А. Сухомлинского, становится идолом. Одной из педагогических задач в этом возрасте становится свержение идола, который подменяет обращение взрослого к личности ребенка оцениванием его отдельных качеств – памяти, мышления, внимания, воли.

Общение со сверстниками также претерпевает существенные изменения для младшего школьника. Теперь они совместно усваивают новые знания. Многочисленные эксперименты по усвоению учебного материала позволили сделать выводы о том, что знания эффективнее усваиваются во взаимодействии ребенка со сверстниками, чем с учителем. В отношениях с взрослым для ребенка неизбежно разделение функций – взрослый дает задание, контролирует и оценивает ребенка. Возникает парадокс – ребенок до конца не может освоить действия, поскольку некоторые компоненты этого действия так и остаются за взрослым. Кооперация со сверстниками позволяет иначе интериоризировать знания (делать их своими). В группе сверстников отношения равноправные и симметричные, а в общении с учителем существует иерархия.

«Ж. Пиаже утверждал, что такие качества, как критичность, терпимость, умение встать на точку зрения другого, развиваются только при общении детей между собой. Только благодаря разделению точек зрения равных ребенку лиц – сначала других детей, а позднее, по

мере взросления ребенка, и взрослых – подлинная логика и нравственность могут заменить эгоцентризм, логический и нравственный реализм»(Осорина М.В. «Секретный мир детей в пространстве мира взрослых»).

Развитие личности ребенка в этом возрасте почти полностью определяется позицией взрослого человека – он определяет содержание обучения, круг общения, сферу увлечений ребенка. Тип мышления, оценки и отношения взрослого становятся эталонами для ребенка. Но в младшем школьном возрасте происходит и важное изменение в жизни ребенка: он овладевает навыками ориентировки в своем внутреннем мире. Это умение подготавливает переход к подростковому периоду.

Физическое развитие. В младший школьный возраст ребенок, как правило, входит с выпавшими передними зубами. А к середине возраста появляются первые постоянные зубы, которые иногда кажутся слишком большими для детского рта до тех пор, пока кости лицевой части черепа не приобретут соответствующие размеры. Беззубая улыбка шестилетнего ребенка и «брововые клыки» восьмилетнего наглядно показывают, как за столь непродолжительный период меняется костная система растущего ребенка. В этом возрасте происходит удлинение костей в продольном и поперечном размерах. Иногда быстрый рост сопровождается ноющими болями, онемением конечностей, которые особенно часты по ночам. Специалисты отмечают, что это всего лишь нормальная реакция тела на рост. Вместе с тем стоит помнить, что скелет и связки ребенка еще не созрели, поэтому большие нагрузки на тренировках чреваты опасными травмами.

Продолжается развитие двигательных навыков – силы, быстроты, координации и контроля за своими движениями как в грубой, так и в тонкой моторике. Дети – и мальчики, и девочки – совершенствуются, например, в прыжках и бросках, умении долго стоять на одной ножке, ездить «без рук» на велосипеде, а также в умении писать разными почерками, плести бисером. Порой демонстрация владения собственным телом настолько увлекает, что ребенок забывается – многие взрослые могут вспомнить из собственного детства конкурсы «на самый дальний плевок» или «кто кого поборет». Хорошее владение своим телом дает ребенку ощущение психического комфорта и способствует признанию со стороны сверстников. Неуклюжие, с плохой координацией движений дети младшего школьного возраста часто от этого страдают.

Подростковый возраст (от одиннадцати до четырнадцати лет)

Духовное развитие. На XII Международных Рождественских Образовательных чтениях к одному иеродиакону, известному своими просветительскими трудами, подошла девушка и попросила дать совет, что делать с детьми после десяти лет: «До этого возраста у нас в воскресной школе все идет хорошо. А после десяти лет с детьми управиться невозможно». О трудности работы с детьми начиная примерно с одиннадцати лет говорят педагоги многих воскресных школ. До этого все в школе благополучно: детки ходят в церковь, выстраиваются в очередь на причастие, посещают воскресную школу. Но вот приходит подростковый возраст, и дети перестают ходить в церковь. Они отказываются жить по правилам, которые до этого

радостно принимали и исполняли. А если подростки и продолжают ходить в церковь, то их поведение рождает множество проблем.

Протоиерей Владимир Воробьев пишет: *«Детям, воспитанным в верующих семьях, со временем надоедает то, что им предлагают взрослые. Родители и священник должны быть к этому готовы. Привыкнув ко всему церковному как к обычному, обыденному, как к тому, что навязывается старшими наравне со многим другим, что делать неприятно, неинтересно, но нужно, они начинают не вполне осознанно отвергать все это. У таких детей начинает проявляться какая-то центробежная энергия. Они хотят чего-то нового для себя, они хотят постичь какие-то неизведанные ими способы жизни, а все, что говорит мама, или бабушка, или отец, – все это уже кажется пресным. Такие дети очень легко находят недостатки у церковных людей, которые начинают казаться им ханжами, скучными моралистами. Они очень часто в церковной жизни уже не видят ничего достаточно светлого. Такой вектор, такая направленность из церкви делает их по существу не способными воспринимать благодать Божию. Участвуя в Таинствах, даже в причащении Святых Христовых Таин, по существу говоря, они ничего не переживают, они оказываются, как это ни странно, в детском возрасте малоспособными переживать причащение Святых Христовых Таин как соединение с Богом, как встречу с Богом. Для них это одно из привычных, воскресных, праздничных состояний. Для них церковь часто становится клубом, где можно встретиться и поговорить друг с другом. Они могут здесь о чем-то интересном сговориться, дожидаться с нетерпением, когда же кончится служба, и вместе побежать куда-то по секрету от родителей в мир окружающий, во всяком случае, нецерковный.*

Иногда бывает хуже: им нравится шалить в церкви, и такое бывает, или подсмеиваться над разными людьми, которые здесь в церкви находятся, иногда даже над священниками. Если они что-то умеют, если занимаются в церковном хоре, то они с большим удовольствием будут обсуждать, как поют сегодня, и – без конца и края всякие насмешки над хорами, над разными певчими, кто как поет, кто что может, кто что понимает. Они всегда чувствуют себя маленькими профессионалами, которые способны оценить все это. И в таком зубоскальстве у них может пройти вся литургия и вся всенощная. Они могут совершенно перестать чувствовать святость Евхаристического канона. Но это не мешает им, когда вынесут Чашу, стать первыми или, может быть, не первыми, наоборот, пропустить маленьких вперед и очень чинно подойти к Чаше, причаститься, потом так же чинно отойти, и через три минуты они уже свободны, все уже забыли и опять предаются тому, что «интересно по-настоящему». А момент причащения Святых Христовых Таин... – это все для них привычно, все известно, все это мало интересно» (протоиерей Владимир Воробьев. «Покаяние. Исповедь. Духовное руководство»).

Многие известные педагоги свидетельствуют о трудностях подросткового возраста. Так, В. Зеньковский писал: *«Все темно над подростком. Вдруг он «реши́т»(!), что Бога нет и уверен, что в нем нет веры, а то вдруг по привычке, по исчезнувшей инерции начнет молиться – и на время волнение, мистические восторги охватят душу. Это все лишь искушения, это лжеблагодать. Религиозная сфера как будто вся в скорлупе, живет она прошлым».* Но так ли уж «все темно»? Да, подростки известны своими «темными вояжами», но ведь был и Тимур с его командой. В своей книге «Секретный мир детей в пространстве мира взрослых» М.В. Осорина посвятила отдельную главу тому, как Гайдар в книге о Тимуре и его

команде воплотил коллективную детскую мечту, в том числе и собственную, так как по сути был лишен детства. По мысли М.В. Осориной, мечта «иметь собственный боеспособный штаб» свойственна мальчишкам всех поколений. *«Она никогда не может быть полностью материализована в реальном мире. Это детский идеал секретного пристанища, который только частично оказывается воплощенным в коллективных постройках реальных детей».* «В художественной форме Гайдар создал модель жизни идеальной дворовой детской группы, несущей советскую идеологию, но выражающей романтику социальной мечты любой детской субкультуры: справедливый лидер, который может быть примером для подражания, дружеская сплоченность детской компании, состоящей из мальчишек предпубертатного возраста, секретный и полуигровой характер их общественно-полезной деятельности и т. д.

Придуманная Гайдаром команда Тимура оказалась настолько соответствующей глубинным социально-психологическим идеалам детей младшего школьного – раннего подросткового возраста, что появление этого литературного произведения послужило началом разворачивания реального движения, которое просуществовало в СССР почти 30 лет».

И этот образ имеет множество подтверждений в жизни. Да и то, что касается непосредственно духовной жизни, у святителя Феофана Затворника характеризуется не такими уж темными красками: *«Река жизни нашей пересекается волнистой полосой юности. Это время воскипания телесно-духовной жизни... Только настоящие чувства истинны, только они имеют действительность и значение. Но если он, прежде пробуждения сих сил, связал себя обязательством исповедания и жизни христианской, тогда все возбуждения, как уже вторичные, будут слабее и легче уступят требованию первых уже потому, что те старше, прежде испытаны и избраны сердцем, а главное – скреплены обетом. Юноша решительно хочет держать всегда свое слово»*(св.ФеофанЗатворник. «Путь ко спасению»). То есть «воскипение жизни» может проходить двояко.

Как-то раз одна из авторов, гуляя около прудика, увидела, как группа подростков швыряет в него палки. Тогда она попробовала обратиться к ребятам с другим предложением: «Ребята, давайте лучше почистим этот прудик». К ее удивлению, мальчишки вместе с ней принялись вытаскивать из пруда мусор с энергией не меньшей, чем до того как швыряли туда мусор.

Подросток нуждается в деятельности «вместе», и можно сказать, что главной задачей этого возраста является опытное познание братства всех людей.

У Г. Гессе в его книге «Паломничество в страну Востока» описано, как некое братство идет на Восток. И именно в этом пути и реализуется идея братства. Те, кто ходил в походы, знают, как походы и пережитые вместе трудности объединяют людей. Это-то объединение и нужно подросткам. И там, где нет объединения вокруг светлого дела, подростки объединяются в банды, шайки, дворовые компании.

Подросток должен принять мораль социума. Для этого ему нужно отодвинуть мораль авторитета. Поэтому в тех воскресных школах, где преподавание ведется с позиции авторитета «сверху вниз», подростковый возраст делается неуправляемым. Там же, где в воскресной школе существует братство, проблем с подростковым возрастом не возникает. Такое братство,

например, существует в Детском клубе, руководимом протоиереем Борисом Ничипоровым. В таком братстве взрослый становится не «авторитетом», а «лидером», и существует тонкая грань между этими понятиями. Лидер обладает авторитетом, но не в силу своего положения, а в силу личностных качеств. Он – тот, кто разделяет жизнь подростков, кто придумает, чем заниматься, у кого самый тяжелый рюкзак, с которым интересно и на которого можно положиться. Хорошо об этом писал отец Борис: *«Учитель – духовник, лидер подлинного педагогического Братства, его всегда любят дети. Потому что он сам малое дитя. Он приходит в дом Братства, и дети бегут к нему на встречу. Он наивный романтик. Он взрослый ребенок».*

В Ковалевском православном детском доме (Костромская область, город Нерехта) живут почти сорок мальчиков в возрасте от трех до семнадцати лет. Судьбу каждого из них не назовешь легкой. Но сами дети не являются «трудными» в общеизвестном значении этого слова. Важнейшей идеей воспитания в этом детском доме является признание того, что взрослые и дети являются спутниками, они стараются следовать одним путем, который ведет к спасению. Объединяет их совместное преодоление многочисленных жизненных скорбей и опасностей. Оно и делает поначалу чужих людей близкими друг другу, ибо узы родства духовного крепче кровного родства. Но для того, чтобы это произошло, взрослыми в детском доме (и в первую очередь директором – протоиереем Андреем Ворониным) проводится поистине уникальнейшая работа. Детский дом имеет очень хорошую материальную базу, сельхозугодья, ферму, столярную мастерскую, где дети трудятся наравне с взрослыми. Но вместе с тем в детском доме есть высококласный спортивный зал с профессиональным оборудованием и инвентарем для занятий дзюдо и самбо, собственный флот, состоящий уже из трех катамаранов (сделанных совместными усилиями взрослых и детей), рации, прибор спутниковой навигации и полный комплект туристического, спелео- и альпинистского снаряжения для экстремальных походов – зимних, горных, спуска в пещеры. Экстремальные походы являются неотъемлемой частью воспитания мальчишек в этом детском доме. Одной из причин этого стала задача использования энергии пубертата «в мирных целях». За несколько дней такого похода решаются проблемы, которые в нормальных условиях могут решаться месяцами и годами, – обучение основным навыкам самообслуживания, преодоление потребительских установок, налаживаются взаимоотношения с товарищами. В экстремальной ситуации ребенок совсем иначе воспринимает окружающий мир, свое место в нем, своих товарищей и взрослых. Совсем иную глубину приобретают беседы о Боге, вселенной, человеке, его самоотдаче и подвиге, чести и мужестве. Конечно, использование подобных «экстремальных» педагогических методов предполагает особую профессиональную подготовку взрослых, слаженный коллектив единомышленников, но, вместе с тем, необходимыми являются братские, полные максимального доверия отношения с детьми.

Можно предположить, что в описанных объединениях подростков учтены их интересы. По Выготскому, это доминанта дали, доминанта усилия, доминанта романтизма. К этому следует добавить реализованную в описанных случаях потребность подростков в существовании братства. И личность лидера этого братства обуславливает личностное развитие подростков.

Лидер живет «вместе». Безусловно, не каждый священник в силу глубины стоящих перед ним задач может себе это позволить. Но педагоги, собирающиеся что-то преподавать в

воскресной школе подросткам, должны ставить для себя глубокое личностное общение как первоочередную задачу. При наличии братства духовные цели становятся общим делом, и тогда естественно стремиться к их достижению. Для подростков естественно ведь бороться с трудностями, преодолевать себя, стремиться к подвигам. И такими подвигами может быть стояние на службе, делание добрых дел и т. д. Только нужно вносить разнообразие в жизнь воскресной школы, учитывая потребность подростков в движении. Нужны паломнические поездки, православные летние лагеря, походы. Нужно вместе встречать праздники не только в церкви, но и за ее стенами. Нужно ходить друг к другу в гости, говорить о первой любви. Нужно этим детям отдать часть своей жизни.

В воскресной школе, где одна из авторов руководит старшей группой детей, даже писались к праздникам специальные музыкальные сказки на темы проблем, которые возникали при работе с детьми. Например, появилась фарисейская требовательность к другим, ответ на нее – сказка «Королевство красоты и порядка» о том, что в основе творения мира лежит любовь. Подросли дети достаточно, чтобы отслеживать в себе страсти, появилась сказка «Страна света», в которой главные герои преодолевают темный лес, наполненный сказочным изображением страстей. Ставили пьесу и о первой любви.

Примерно об этом же пишет Софья Куломзина: *«Для детей как будущих членов Церкви может стать полезной любая работа, требующая общения с другими людьми, принятия на себя определенной ответственности: организация «марша» по какому-нибудь поводу, проведение паломничества и похода...»*

Важнее всего, как сложатся отношения взрослого – руководителя-священника либо мирянина – с молодежью. Учителю важно завоевать их доверие, стать другом, важно проявлять понимание, симпатию и искренний интерес к жизни подростка, но оставаться твердым в своих убеждениях. Именно это ищут ученики: друга – честного, достойного доверия, принимающего их такими, какие они есть, чьи убеждения, как они чувствуют, связаны с их интересами».

Такие требования, вообще говоря, должны предъявляться и к учителям, желающим преподавать подросткам основы православной культуры в школе. Этот курс должен быть ориентирован не на получение знаний, а на приобщение ученика к высшим ценностям жизни, а такое приобщение невозможно без личностного общения.

Но если все же, несмотря на все усилия, подросток от Церкви отходит, а такое вполне может быть, нельзя заставлять его ходить в церковь. Признавая существование такого рода проблем, В.В. Зеньковский предупреждает родителей и педагогов о том, что основная беда заключается не в том, что дети перестают ходить в церковь, а в тех душевных переменах, которые стоят за этим. *«И как бывает опасно, а порой даже губельно для религиозной жизни подростка, когда в период сложной душевной работы, период тревожных исканий мятущейся души, родители или школа думают не о том, чтобы войти в эту внутреннюю драму души, а заставляют идти в церковь! Ничего кроме лицемерия, недоброй враждебности к религиозной жизни не дают такие меры».* В.В. Зеньковский уверяет своих читателей в том, что к Церкви никого не нужно принуждать, ибо она так полна красоты и правды: *«Нужно, чтобы каждой душе дано было найти в Церкви отзвук на ее искания и запросы, дано было опытно познать»*

правду и силу Церкви». А задача родителей или учителей, по мысли Зеньковского, и заключается в этот серьезный период именно в том, чтобы разделить с подростком его внутреннюю душевную драму, постараться вместе с ним пережить это время.

Психическое развитие. Подростковый возраст является началом переходного периода от детства к взрослому состоянию в жизни человека. Греческое слово *krisis* переводится как «решение, приговор, решительный исход». В таком контексте восприятия слова «кризис» можно говорить о неминувности подросткового кризиса в жизни каждого человека. Кризис подростничества как решение о переходе во взрослый возраст, исход из детства обуславливает психическое развитие в этом возрасте. Характер этого перехода может быть различным. Так, Маргарет Мид, исследуя взросление подростков на островах Океании, описала, что этот период жизни протекал у них бесконфликтно, в атмосфере беззаботности. Это позволило ей сделать выводы о том, что не всегда «гормональные бури» являются источником конфликтов и противоречий подросткового возраста, а также о том, что психология подростка во многом зависит от социокультурной ситуации, в которой он развивается.

В зависимости от культурных традиций, социально-экономического развития общества, внутрисемейных установок переход от детства к взрослости может длиться от нескольких месяцев до нескольких лет. Общим является правило – ни в одном обществе от ребенка не требуют, чтобы он стал взрослым моментально, всюду процессу достижения взрослости отводится время и место. Это и становится основным содержанием общения взрослого и подростка – помочь вырасти в меру взрослости и ответственности. Если этого не происходит, то утрачивается взаимопонимание, и тогда неминуемы конфликты (*СНОСКА: Для нескольких поколений молодежи книга Дж.Д. Сэлинджера о подростке, который мечтал ловить заигравшихся над пропастью во ржи детей, стала не только любимой, но и программной. Программной в том плане, что, вырастая, последователи Холдена с той же романтической устремленностью позволяют своим детям заигрываться над пропастью. Считается, что взрослый человек держит ситуацию под контролем. Он знает, где граница, которую ребенку переступить нельзя. А ребенку пока этого не понять, он еще не настолько вырос, чтобы постоянно помнить об угрожающей ему опасности. Это может фрустрировать ребенка, наложить негативный отпечаток на восприятие им окружающей действительности. Взрослые с энтузиазмом охраняют резвящихся детей, не позволяя им осознать масштаб многих жизненных проблем. И все продолжительнее и продолжительнее делается, таким образом, время беззаботного и безответственного детства. Ребенку, чтобы почувствовать себя повзрослевшим, требуются некие основания. Во многих культурах хранятся символические церемонии перехода из одного возраста в другой – инициации. Проходя обряд инициации, ребенок переходит в новый возраст, следовательно, получает новый статус. Новый статус обязательно предполагает новые права и обязанности, иной уровень ответственности. Если нарушается процесс взросления, и ребенку, как и прежде, взрослые мало что могут доверить, случаются попытки «самовольных инициаций». Каждому педагогу известен перечень таких «посвящений во взрослые», которые имеют тенденцию к увеличению опасности для жизни – от выкуренной сигареты до употребления психически-активных веществ и далее. Надо полагать, что одной из причин нарастания кома девиантного и аддиктивного поведения является отсутствие ответственности подростка за то, что он предпринимает. Взрослые и в этих ситуациях стремятся подхватить падающего в пропасть*

ребенка, не требуя ответа за содеянное. В том же случае, когда взрослые учат ребенка «ходить над пропастью», он гармонично и бесконфликтно переходит из возраста детства в возраст взрослости и ответственности.

Обычно переход от детства к взрослости включает в себя два периода – подростковый и юношеский. Начало подросткового возраста, как правило, связывают с началом гормональной перестройки детского организма. Пубертат – время полового созревания организма. В.В. Зеньковский так характеризует психическую сферу подростка: *«После периода трезвости и погружения в «порядок» природы, социальной и моральной жизни подросток чувствует себя подхваченным новой и неведомой ему силой, которая действует в его глубине. Эта сила властно и нетерпеливо опрокидывает привычки, сложившиеся вкусы, толкает куда-то вперед, мутит и волнует душу, бросая ее из одной крайности в другую... Душа подростка совершенно отошла от трезвости и реализма, от следования правилам и от приспособления к порядку... Она вновь, хотя и по-иному, чем в раннем детстве, возвращается к себе, но уже не в форме наивного эгоцентризма, а в форме мечтательного эгоцентризма. «Мечтательность» есть ключ к этому периоду...»*. На границе подросткового возраста происходит изменение отношения реального и возможного в сознании. Развитие интеллекта приводит к тому, что резко расширяются границы внутренней жизни – сознание наполняется идеальными конструкциями, гипотезами о себе и окружении. Одной из задач развития подростка является координация взаимодействия реального и воображаемого в сознании и деятельности.

Психологическим критерием перехода к подростничеству является осознание себя человеком, перешагнувшим границы детства. Возникновение представления о себе как «не о ребенке» является основным новообразованием этого возраста. В связи с этим у подростка возникает потребность в изменении образа жизни. «При этом подростки проявляют не критичность к подлинному объему своего знания и умения. Накопленный опыт, знания, обученность приводят к своеобразному «я сам!», к субъективной готовности на все в жизни. Отсюда – настаивание на своей независимости, требование свободы. Подростки отвергают свою принадлежность к детству и утверждают свою взрослость» (Слободчиков В.И., Исаев Е.И. «Основы психологической антропологии. Психология развития человека: Развитие субъективной реальности в онтогенезе»). Источником конфликтов может стать в этом возрасте отсутствие устойчивой системы координат – системы жизненных ценностей, которая позволила бы реально оценивать события. «Пустыня отрочества», по образному выражению Л.Н. Толстого, не имеет опыта личного выбора и ответственности. Осознание личной ответственности – важнейшая воспитательная задача в общении взрослого и подростка. «Если ты не маленький, отвечай за всю ту сферу, в которой считаешь себя взрослым».

Тенденция к взрослости проявляется и в семейном поведении подростка. Подросток обречен на рождение из «семейной утробы» в мир социальных отношений. Рвется «эмоциональная пуповина», меняется характер эмоциональной привязанности к родителям. На смену авторитету родительской власти приходит (или не приходит) авторитет личности родителей. Он зависит для подростка от уровня социальной или профессиональной компетенции мамы или папы. Существует точка зрения, согласно которой человек, не изменивший характера эмоциональной привязанности к родителям в подростковом возрасте, вынужден будет сделать это в период становления собственных семейных отношений.

В книге Франсуазы Дольто «На стороне подростка» приводится подробный анализ многих семейных драм, связанных с переживанием подросткового кризиса. В частности, Ф. Дольто отмечает, что внутренние разногласия, возникающие в семьях, воспринимаются ребенком до одиннадцати лет с огромными трудностями, но молча. В подростковом же возрасте «назревшие противоречия требуют разрешения». В случае, когда все идет хорошо и в семье нет никакого разлада, подросток *«расценивает свою семью как пристанище и ценит ее очень высоко, но при этом он не чувствует, что играет в ней сколько-нибудь значительную роль и ищет пути самоутверждения в окружающем обществе»*. Стремление к самоопределению в мире социальных отношений толкает подростка на выход из семьи. Если семья имеет многообразие социальных контактов, у взрослых есть круг внесемейного общения, то и подростки не задерживаются на пассивной или агрессивной позиции. Имея за спиной свою семью как надежную гавань, куда в любой момент можно прийти, чтобы набраться сил, подросток отправляется в самостоятельное плавание по социуму.

Подростка, не умеющего выйти за пределы семейного круга, Ф. Дольто сравнивает с мацерированным плодом (мацерация – размягчение тканей, приводящее к распаду на отдельные клетки, «смерть заживо» – Т.С.), который не в состоянии родиться. *«Семья взрывается, словно мать, которую разрывает изнутри ее дитя. Это происходит в семьях, помешанных на семейственности, где нет радости внешнего социального общения, того, что подталкивает ребенка заниматься спортом, интересоваться культурной жизнью и т. д.»*

Обретение подростком собственной позиции в мире социальных отношений совсем не тождественно разрыву с семейными устоями и ценностями. Многие подростки высоко ценят нормы, существующие в их семьях, обретая собственную социальную самостоятельность, уверены в том, что их будущая семья будет такой же, как и семья их родителей. Часто семейные устои являются для подростка эталоном, ориентируясь на который он выстраивает собственное взаимодействие с социумом. На вопрос: «Неужели тебе никогда не хотелось сбежать из дому?» – один из известных российских ученых (Аверинцев С.С.) ответил, вспоминая себя в пятнадцать лет: "Как вы не понимаете: из осажденной крепости не сбегают"

Социальной ситуацией развития становится освоение области взаимоотношений людей за рамками семейного круга. Поэтому в качестве ведущей деятельности в этом возрасте называются общение со сверстниками (Д.Б. Эльконин) и общественно значимая деятельность (В.В. Давыдов). Основной задачей развития становится освоение своего телесного и душевного мира, их координация и вписывание в окружающую действительность.

Осознается потребность в собственной позиции. Утверждению собственной позиции помогает наличие «своей территории». Подростковый и юношеский возрасты считаются самыми активными по освоению территории. «Территориальное поведение» подростков может открыть взрослым ту информацию, которая иначе им недоступна. «Оформление» подростком собственной комнаты или уголка плакатами, наклейками и другой «наглядностью» подскажет взрослым о том, что желает видеть рядом с собой их чадо. Наиболее предпочитаемые места встреч с друзьями также позволят сделать некоторое предположение о содержательной стороне общения подростка с приятелями. Так, в определенный период родители четырнадцатилетней

Ани обнаружили, что большую часть своего свободного времени их дочь проводит в студии фитодизайна и в поездках по цветочным магазинам и выставкам.

В общении со сверстниками, особенно в первой фазе подростничества, для подростка важны не столько содержание, сколько интенсивность общения. Постепенно происходит смещение внимания на содержательную сторону общения. Но кажущимся парадоксом подросткового общения является тот факт, что энергетически зарядить и общение, и творчество подростков может только человек взрослый. Огромное значение в становлении стиля подросткового поведения имеет «значимый взрослый», чаще не родитель, а представитель того самого социального мира, куда устремлен взор подростка. Это может быть тренер, учитель, тот, кто в глазах подростка обладает уникальными качествами общественно значимой деятельности.

Поэтому, выступая на XIII Рождественских образовательных чтениях в 2003 году, одна из авторов обратилась и к священнослужителям, и к мирянам, занимающимся православным воспитанием, со следующими предложениями: *«Особенно стоит потрудиться в деле воцерковления талантливых педагогов, интересных, ярких личностей, тех, к кому тянутся дети. Как правило, это честные, ищущие люди. Порой складывается впечатление, что они самодостаточны, и есть большой соблазн (не только у священников, но и у простого мирянина), говоря православным сленгом, смирить такого человека. И в этой ситуации стоит поучиться у русских православных миссионеров, которые были не только самоотверженными свидетелями своей веры, но нередко и подлинными создателями культуры целых народов. Как писал архиепископ Николай Японский (Касаткин), «наше служение есть духовное рождение чад Богу; какое же рождение не сопряжено с муками?» Создание педагогической православной среды – первостепенная задача в наших школах. Православная среда складывается в том случае, когда к педагогам постепенно приходит понимание того, что со своими сомнениями или проблемами можно обратиться к священнику. Есть «наш батюшка», и у него найдутся силы, время и любовь для нас. Он подскажет, он помолится, он утешит. И только потом рождается понимание, что Церковь – это не только наш батюшка, но и мы сами.*

Почти на каждом приходе есть люди, умеющие что-то очень хорошо и с любовью делать. Кто-то замечательно фотографирует, у кого-то есть дар сочинять стихи, кто-то поет песни под гитару, а кто-то занимается спортом. Совсем не обязательно, чтобы творчество этого человека прямо соприкасалось с церковным искусством или ремеслом. Человек, живущий церковной жизнью, вносит свет в каждое свое делание. Дети это очень хорошо чувствуют. А в подростковом возрасте просыпается особый интерес именно к такому человеку – носителю социально значимых умений. Будет разумно, если такие люди посвятят несколько часов в неделю общению с детьми, чтобы у них складывалось положительное и более широкое представление о Церкви».

Жизненно важной сферой для подростков становится область межполовых отношений. Психологическую и духовную характеристику этой важной проблемы приводит в книге «На пороге зрелости» протоиерей Василий Зеньковский. Каким образом говорить взрослому человеку с подростками о любви, об отношениях мужчины и женщины, обо всем том, что волнует и интересуется в этом возрасте? Здесь существует многообразие мнений – от признания ведущей позиции здесь общества сверстников, которое, якобы, «на доступном уровне выдает требуемое количество информации», до специально разработанных взрослыми программам

«просвещения» подростков. Многие опытные педагоги (в частности С.С. Куломзина) уверены в том, что взрослый человек должен говорить с подростками на темы любви и взаимоотношения полов. Но как это делать, универсальный совет дать затрудняются. В педагогической литературе начала XX века встречаются советы знакомить подростков с содержанием Книг Ветхого Завета, где проявления любви человеческой представлены как Богом дарованные и освященные.

Завершение подросткового возраста во многих культурах связывается с прощанием с детством и вступлением в новую пору. Зачастую этот переход, как было уже сказано выше, оформляется специальным обрядом – инициацией. Психологической сутью этого обряда является переход к стадии самоопределения. Период «бури и натиска», «эндокринного шторма» заканчивается переходом к началу «душевной децентрации» – способностью и готовностью лично и профессионально самоопределиться.

Физическое развитие. В.В. Зеньковский пишет, что подростковый возраст *«предваряется некоторым телесным и психическим увяданием – ослаблением памяти, внимания, упадком прежних интересов... А затем начинается беспокойная, тревожная и противоречивая пора интенсивного полового созревания, когда новая сила (пол), до сих пор действовавшая или скрыто или неполно, выступает на первый план. Пол окончательно формируется со своей телесной стороны, сменяя прежнюю, относительно «недифференцируемую» фазу, сосредотачиваясь – хотя и не исключительно – в генитальной зоне. Это вызывает ряд существенных перемен в жизни мальчика (вторичные половые признаки) и девочки (менструации), останавливая на некоторое время обычный рост различных органов тела».*

Освоение собственного тела, которое организовано многоуровнево и сложно, провоцирует как двигательную суперактивность (желание танцевать, кричать, бегать), так и двигательную вялость, неподвижность. Одной из задач подросткового возраста Г.С. Абрамова называет установление иерархических отношений между произвольными и непроизвольными двигательными реакциями. Потому во все времена особое внимание уделялось физическому воспитанию молодых людей. Подросток, лишенный «мышечной радости», вынужденный сдерживать свои двигательные функции, зачастую проявляет различные виды нервных тиков. Специалисты подмечают тот факт, что у подростков из сельской местности тики практически отсутствуют, как и проявления физической неловкости в разговоре.

Юность (с пятнадцати–восемнадцати до двадцати лет)

Все возрастные границы, указанные при характеристике того или иного периода становления человека, естественно, указаны лишь приблизительно. Возраст вступления в тот или иной период у каждого конкретного человека индивидуален. Особенно это относится к периоду юности. Верхнюю границу этого возраста мы обозначили, исходя из церковной практики, в которой возраст двадцать один год означает уже некую ступень зрелости.

Духовное развитие. Для быстро развивающихся детей в пятнадцать–шестнадцать, для других позже, наступает период сомнения в существующих нравственных ценностях. Это время – время перехода подростка в свою новую пору, пору юности. Подросток вдруг отвергает все и сомневается во всем, отвергает, чтобы сделать свой собственный уникальный выбор системы ценностной иерархии. Можно сказать, что главная задача этого возраста – выбор Божьего пути. И многие в этом возрасте, или чуть позже, такой выбор делают. И если юноша сам приходит к необходимости жить для Бога, то его духовная жизнь приобретает настоящую силу и глубину. Протоиерей Владимир Воробьев писал: *«Потом наступит время, когда можно будет сказать: «Ну вот, ты теперь большой, ты вырос, давай поговорим серьезно...» И складывается какая-то общая жизнь с духовником, личные отношения на серьезном уровне, которые для подростка становятся очень ценными».*

Протоиерей Василий Зеньковский пишет о юности так: *«Это пора выбора пути жизни и составления планов, по преимуществу пора свободы и творческой независимости, пора грандиозных замыслов, ярких утопий, героических решений... Духовный мир не оттеснен «приспособлением» к жизни, как во втором детстве, он свободен и полон того дыхания бесконечности, которое никогда не выступает... так пленительно, как именно в юности... Как часто именно в эту... пору в живом и горячем порыве отдает себя юность на всю жизнь на какой-либо подвиг и остается свободно верной всю жизнь свою ему... В юности достигает полноты субъективного и объективного своего созревания дар свободы».*

Однако существует возможность и другого выбора: *«Возможно даже, что юность в горении сердца и в чистом энтузиазме отдаст себя разрушению религии в мире...»* Также может быть сделан выбор жизни, направленной на потребление и на материальную выгоду, и т. д.

Самым тяжелым для педагога в этот период является то, что он остается за порогом, когда его воспитанник делает решительный шаг. Этот решительный шаг воспитанник делает без него. В каком-то смысле педагога можно сравнить с «другом жениха» в древних восточных традициях. Такой друг должен был все подготовить к свадьбе, а потом остаться стеречь у порога в свадебный шатер, когда жених входил в свою радость. Этот образ присутствует и в Евангелии: *«Имеющий невесту есть жених, а друг жениха, стоящий и внимающий ему, радостью радуется, слыша голос жениха. Сия-то радость моя исполнилась. Ему должно расти, а мне уменьшаться»* (Ин. 3, 29–30). Так говорит Иоанн Креститель о себе и о Господе нашем Иисусе Христе).

При этом многие педагоги, к сожалению, вынуждены добавить: *«Хорошо, если в радость, а если в разрушение себя самого?»* Увы, и такое возможно, но что-то изменить уже нельзя. Раньше нужно было стараться, чтобы в душе у воспитанника сложился образ Бога – Любви, а не только образ Бога – Судии, раньше нужно было стараться помочь полюбить все церковное, научить радости жить для других. Зеньковский пишет: *«Духовная слепота (лишь у избранных свыше людей устранимая силой внутреннего свечения) не может быть устранена никаким «образованием», вообще через интеллект, юность изнутри должна увидеть себя в Боге».* Осуществление выбора таинственно в своей сути и происходит в самой глубине сущности человека. Об этом хорошо писал протоиерей Борис Ничипоров в своей книге *«Времена и сроки».*

Чем же все-таки может помочь педагог? Только молитвой и любовью. Может помочь тем, что не отстранится от бунтующего воспитанника, будет, насколько ему позволено, принимать участие в жизни воспитуемого, будет просить, но не требовать помощи в делах милосердия, будет приглашать с собой в Церковь. И вполне может случиться, что почувствованное еще в подростковом возрасте братство людей воспитанник осознает как единственно возможное единение в Боге. *«На фоне того, что раскрывается нам в тайне Церкви, как тайне благодатного единения, всякое обособление, существенно связанное с выявлением личности, как таковой, является грехом. ...Оцерковление личности – это и есть ее спасение и это и есть основная педагогическая проблема. В Церкви постепенно, через процесс внутренней жизни и через благодатное срастание с Церковью в Таинствах, в молитве мы начинаем понемногу опытно опознавать единоначальное единение, которое лишь в Церкви и может быть реализовано»*, – писал Василий Зеньковский.

Обратим внимание еще на одну возможную опасность. В духовной жизни могут превалировать эгоцентрические тенденции. *«Тщеславие и честолюбие расцветают в душе молодых людей пышным цветом, поэтому священнику приходится постоянно переключать юношей и девушек с мнения о самих себе на объективные интересы дела. Очень важно, чтобы пастырь, уделяющий внимание духовному кормлению молодежи, хорошо чувствовал, куда направлены чувства и мысли его юных прихожан, и понимал, насколько их намерения адекватны. Очень часто для воцерковляющихся юношей и девушек привлекательным становится путь монашеской жизни. Испытав первые разочарования и потрясения от безответной любви, неудачной сессии в институте, они настойчиво просят своих духовников благословить их на послушание в монастыре с намерением затем в нем остаться. Если вовремя не распознать за этими благими порывами болезненного состояния души, происшедшего вследствие уязвленного самолюбия, тщеславие и честолюбие могут привести молодых людей к жестоким и горьким разочарованиям»* (Змеев.«Андрогогика»).

Психическое развитие. Период юности называют последним временем детства и первым возрастом взрослости. Основная задача юности – дать личности вступить в зрелость. Все силы души – духовная, интеллектуальная, физическая, по мнению В.В. Зеньковского, вполне созрели для этого.

Юность аккумулирует в себе все новообразования предыдущих возрастов, и они проявляются в юности в новом качестве. От раннего детства возвращается к юности эстетический тип мироощущения, чувство светлой бесконечности. Младший школьный возраст закладывает внимание к законам и порядкам мира внешнего, социального и морального. Новое их качество проявляется в том, что повзрослевший человек стремится не просто приспособиться к существующим законам, но и самому менять ситуацию, утверждая этот закон. *«Наконец, от отрочества в юность привходит могучая сила пола, но как бы укрощенная и просветленная... обычно находящая свой объект, в восторженном поклонении которому расцветают все лучшие силы души»* (Прот. В. Зеньковский. «Проблемы воспитания в свете христианской антропологии»).

Этот период связан с началом профессионального и личностного самоопределения – окончание школьной учебы, начало профессионального обучения или первая самостоятельная

трудовая деятельность, окрепшие личностные привязанности. Ведущей деятельностью юности становится поиск своего места в жизни. Основные новообразования – осознание самого себя как целостной, многомерной личности, появление жизненных планов (выстраивание стратегии), вызывает готовность к самоопределению. Вместе с тем юность ограничена в своем понимании всей полноты того, что происходит в ней, и того, что происходит в окружающей действительности. Именно эта недалёковидность юности обнаруживает ее принадлежность к детству. Неумение адекватно оценить собственное состояние, «социальная слепота», которые связаны с отсутствием житейского опыта, могут привести к тому, что цельность и возвышенность чувств будут подменены «легкой жизнью» по принципу «получи от жизни все» или это превратится в фанатическое устранение всего того, что мешает юношескому радикализму.

Физическая и интеллектуальная зрелость провоцирует юность на самый высокий уровень притязаний, юношеский максимализм часто не позволяет делать самого простого и необходимого. В учебе зачастую проявляется стремление к внешним достижениям – притягательными становятся высокий материальный или социальный статус будущей специальности, стремление понравится преподавателям. Общей тенденцией, характеризующей период юношеского становления, является стремление все испытать, впитать, пережить. *«Юность всегда готова постичь как разнообразие в принципе, так и принцип в разнообразии»* (Эриксон Э. «Идентичность: кризис и юность»). Объясняя свое понимание юности, Э. Эриксон утверждает, что прежде чем принять взвешенное решение, юность испытывает крайности. Суть этого испытания – *«определить «нижний предел некоторой правды, перед тем как вверить силы тела и души части существующего (или грядущего) порядка, подчиниться существующим в обществе законам. Лояльность, законопослушность – опасное бремя, если только оно не взваливается на плечи с чувством независимого самостоятельного выбора и не переживается как верность»*.

Завершение юношеского периода связывают с кризисом юности. Основное содержание этого кризиса – встреча реальной жизни с ее идеальными представлениями. Чем более осознаются расхождения в том, что «сам придумал о себе и своей жизни», и тем, что в какой-то момент осознал как реальность, тем острее происходят внутренние переживания. Помогают пережить кризис подготовленность к крупным переменам в жизни, способность самостоятельно принимать решения и отвечать за них, умение намечать жизненные перспективы – далекие и близкие, умение освобождаться от иллюзий, но при этом сохранять в своей душе идеалы. Отсутствие внутренних средств разрешения кризиса приводит к негативу – алкоголизму, наркомании, вовлечению в тоталитарные группировки, суициду.

Подводя итог характеристике юности, стоит еще раз подчеркнуть, что это еще не взрослый возраст. И здесь специалисты предупреждают о возможных опасностях для развития личности юноши или девушки. Б. Ливехуд пишет, что нет ничего опаснее в этом возрасте, как для студенчества, так и для молодых фабричных рабочих, «безличного, механического» действия и осознания четкой предопределенности во всем. Готовность к ситуации, «срывающей все планы», является ресурсом дальнейшего развития. Г.С. Абрамова видит опасность этого возраста в том, что *«отношения близости, соперничества, борьбы переживаются в связи с людьми, подобными себе, со сверстниками. Это рождает предвзятость в отношениях,*

непрятие самого себя и других... Может быть, отчасти потому ранние браки и обладают такой хрупкостью, что за ними стоит страх перед одиночеством, а не переживания полноты жизни...» (Абрамова Г.С. «Возрастная психология: Учебник для студентов вузов»).

Стремление и готовность в реальной жизни продемонстрировать ответы на основные вопросы юности: кто я? чего я хочу? что я могу? – обозначают границу перехода в новый период развития. Принятие ответственности за свою жизнь связано с вступлением в пору молодости.

Физическое развитие. Юность – период завершения физического созревания человека. К этому возрасту, как правило, выравниваются подростковая угловатость и диспропорции тела, обусловленные неравномерностью созревания. Юноши догоняют и опережают в физическом развитии девушек. Во всех культурах к этому возрасту человек уже готов к преодолению физических испытаний и лишений – в некоторых странах не только юноши, но и девушки призываются на службу в армию, уже не действуют возрастные ограничения при приеме на физически тяжелую работу, самый большой процент олимпийских чемпионов составляют представители этого возраста. Однако в этом возрасте, так же, как и в подростковом, очень актуальным остается повышенное внимание к своей физической форме. Некоторые юноши и девушки склонны находить у себя физические отклонения даже тогда, когда все показатели соответствуют норме. В крайних случаях такая повышенная чувствительность приводит к нарушениям невротического характера. Специалисты пишут о нарушениях пищевого поведения – нервной анорексии и булимии, которыми чаще всего страдают именно в юношеском возрасте. «Анорексия» (от лат. «anorexia») означает отсутствие аппетита, определение «нервная» указывает на ее психогенное происхождение. Из-за боязни стать женщинами (выглядеть как женщины – Т.С.) страдающие анорексией девушки перестают есть, задерживая таким образом развитие своего организма» (7, 572). Булимия – неконтролируемая потребность много есть, особенно сладкого, которая, как правило, лечится антидепрессантами. Этими болезнями страдают главным образом женщины, как правило, озабоченные проблемами стройности своей фигуры.

В своей книге протоиерей Борис Ничипоров пишет о расстройствах психики, определяемых как дисморфофобический синдром. Его характеризуют бредовые идеи мнимого физического недостатка, идеи отношения («все смотрят на мой ужасный нос»), депрессия с суицидальными тенденциями. Психологической основой такой патологии становится отторжение единства тела в его частях и элементах. *«Не какое-то тело сочетается с какой-то душой, а мое тело с моей душой. Это есть единственное, уникальное, «бесподобное» сочетание».* Но вот эту очевидность некоторые люди подвергают испытанию, *«а психологическим содержанием, корнем этой патологии является глубинный протест против установленного порядка вещей на земле. Дано мне тело. Но больной протестует: «А с какой стати оно мне дано?!» Поэт называет тело «единым» и «моим». Но и это по сути отрицается. «Во-первых, если и моим, – как бы говорит больной, – то лучше и не жить. А во-вторых, уж конечно, не единым, ибо эта самая часть тела (нос, рот, оттопыренные уши) – не то, не то и еще раз не то». Вообще здесь есть и еще более серьезный богоборческий вызов: больной своей жизнью протестует против самого факта, что человек явлен миру через тело».*

Литература

1. Архимандрит Платон (Игумнов). Православное нравственное богословие. – Сергиев Посад, Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994.
2. Абрамова Г.С. Возрастная психология: Учебник для студентов вузов. – Екатеринбург, 1999.
3. Блаженный Августин. Исповедь. Богословские труды. Сборник 19-й. – Изд-во Московской Патриархии, 1978.
4. Выготский Л.С. Собрание сочинений в 6-ти т. Т. 4. Вопросы детской (возрастной) психологии. – М., 1984.
5. Дольто Ф. На стороне ребенка. – М., 1997.
6. Дольто Ф. На стороне подростка. – М., 1998.
7. Крайг Г. Психология развития. – СПб., 2000.
8. Коменский Я.- А. Избранные педагогические сочинения. Т. 1. – М., 1982.
9. Куломзина С.С. Наша Церковь и наши дети. – М., 1993.
10. Куломзина С.С. Семья – малая Церковь. – М.: Паломник, 1997.
11. Куткене Л. Психологические теории развития. – Вильнюс, 1998.
12. Лавренова Г.В. и др. Практическая энциклопедия молодой православной мамы. – С.-Петербург, Сатисъ.
13. Ливехуд Б. Кризисы жизни – шансы жизни. – Калуга, 1994.
14. Льюис К.-С. Собрание сочинений в 8-ми т. Т. 8. Размышления о псалмах. – М., 2000.
15. Массен П., Конгер Дж., Каган Дж., Гивитц Дж. Развитие личности в среднем возрасте // Психология зрелости и старения. – М., 1997.
16. Митрополит Вениамин (Федченков). О вере, неверии и сомнении. – СПб., 1992.
17. Обухова Л.Ф. Детская психология: теории, факты, проблемы. Т. 2. – М., 1995.
18. О семье и воспитании. – СПб., 1996.
19. Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. – СПб., 2000.
20. Просветитель. № 2–3. – М., 1995.
21. Протоиерей Борис Ничипоров. Времена и сроки. – М., 2002.
22. Протоиерей профессор Василий Зеньковский. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. – М., 1993.
23. Протоиерей профессор Василий Зеньковский. Психология детства. – Екатеринбург, 1995.
24. Протоиерей, профессор Глеб Каледа. Домашняя Церковь. – М., 2001.
25. Сестра Магдалина. Мысли о детях в Православной Церкви сегодня. – М.: Отдел религиозного образования и катехизации Московской Патриархии, 1993.
26. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология развития человека: Развитие субъективной реальности в онтогенезе: Учебное пособие для вузов. – М., 2000.
27. Смирнова Е.О. Детская психология. – М., 2003.
28. Соколова Н.Н. Под кровом Всевышнего. – М., 2001.
29. Старец Сампсон. – М.: Народная библиотека, 1994.
30. Стюарт-Гамильтон Я. Психология старения. – СПб., 2002.

31. Томе Г. Теоретические и эмпирические основы психического развития человеческой жизни // Принципы развития в психологии. – М., 1978.
32. Флоренская Т. А. Диалог в практической психологии. – М., 2001.
33. Феофан Затворник, святитель. Как сохранить благодать святого крещения. – М., 1997.
34. Феофан Затворник, святитель. Путь ко спасению. – М., 1899.
35. Шестун Евгений, протоиерей. Православная педагогика. – М., 2001.
36. Шихи Г. Возрастные кризисы. – СПб., 1999.
37. Экман П. Почему дети лгут? – М., 1993.
38. Эриксон Э. Идентичность: кризис и юность. – М., 1996.
39. Янушкявичене О. Дерево доброе. – М., 1997.
40. Янушкявичюс Р., Янушкявичене О. Основы нравственности. – М., 2000.

Дополнительная литература

41. Иерей Олег Давыденков. Догматическое богословие. Часть 3. – М., 1997.
42. Мудрик А.В. Введение в социальную педагогику. – М., 1997.
43. Мид М. Культура и мир детства. – М., 1988.
44. Аверинцев С.С. Солидарность поколений как фактор гражданской свободы.
45. Мошкова И.Н. Рекомендации социальным работникам по работе с молодежью. – www.synergia.itn.ru.
46. Змеев. Андрагогика. М., 1999.
47. Протоиерей Владимир Воробьев. Покаяние. Исповедь: Духовное руководство. – М., 1997.
48. Протоиерей Андрей Воронин, Гарин Д.В.. Ковалёвский детский дом. Вчера, сегодня, завтра...(Опыт семейной организации воспитания детей-сирот). Кострома, 2002.
49. Склярова Т.В. Над пропастью в горах или использование методов экстремальной психологии в воспитании детей группы риска //Сб. Духовно-нравственное и психологическое здоровье ребёнка в детско-взрослых общностях. М., 2003 (в печати).
50. Склярова Т.В. Пути и возможности православного воспитания в современной общеобразовательной школе <http://www.light.orthodoxy.ru>